

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

НАРОДЫ СССР

А. С. Бежкович, С. К. Жегалова, А. А. Лебедева, С. К. Просвирина. *Хозяйство и быт русских крестьян. Памятники материальной культуры. Определитель.* М., 1959, 254 стр. + 34 листа вклеек.

Рецензируемый труд, подготовленный Научно-исследовательским институтом музееведения, имеет целью дать основу для определения отдельных предметов материальной культуры и времени их бытования. Авторы не ставили перед собою задачу теоретическое и историческое исследование. Здесь дано лишь систематизированное описание бытовавших с конца XVIII до начала XX в. различных предметов и орудий, связанных с земледелием, скотоводством, крестьянскими обрабатывающими и добывающими промыслами, а также средств передвижения, различных частей жилища и внутренней обстановки жилого помещения.

Издание подобной работы — своевременное и чрезвычайно полезное дело. На протяжении XIX в. в музеях накапливался вещественный материал по крестьянскому жилищу, хозяйству, одежде и другим элементам культуры. Однако сбор коллекций всегда сопровождался соответствующей научной паспортизацией, что снижает ценность многих экспонатов, находящихся в фондах музеев, и не дает возможности использовать их в экспозиции. Достаточно сказать, что из четырехсот предметов, входящих в русские коллекции Этнографического музея при Казанском университете, более половины не имеют точной датировки. Аналогичное положение наблюдается в краеведческих музеях Ульяновска, Куйбышева, Саратова и других городов, а также в более мелких музеях (в Бугульме, Чистополе, Пугачеве, Вольске и др.).

Рецензируемое издание должно помогать музейным работникам в научном определении коллекций. Оно окажет также существенную помощь историкам, занимающимся изучением крестьянского хозяйства, учителям, краеведам и всем, кто интересуется культурой и бытом дореволюционной русской деревни. Оно будет полезно писателям, художникам, театральным деятелям, кинороботникам, отражающим в своих произведениях прошлое русского народа.

Книга состоит из шести глав, 179 иллюстраций, данных в приложении (кроме 106 рисунков, включенных в текст). К сожалению, с технической стороны их нельзя признать вполне удовлетворительными. Предметный указатель облегчает пользование определителем. Основная литература указана после каждой главы.

В первой главе дается характеристика земледельческих орудий, применявшихся в крестьянском хозяйстве с конца XVIII до начала XX в. Очень подробно описаны некоторые орудия: соха, ее основные части и многочисленные разновидности с указанием районов их бытования, а также различные виды косуль, сабанов, плугов. Показан процесс изменения и усовершенствования пахотных орудий, связанный в основном с развитием в России капиталистических отношений. Так же обстоятельно описаны орудия для ручной обработки пашни, посева и уборки урожая, провеивания и сортировки зерна. Иллюстрации помогают читателю разобраться в разновидностях этих орудий и несложных, но оригинальных приспособлениях, способствовавших облегчению тяжелого труда земледельца. В этой же главе описаны инструментарий и различные предметы, применявшиеся при уходе за скотом и птицей (соломорезка, кошел для корма, «зобня» и др.).

Вторая и третья главы посвящены крестьянским добывающим и обрабатывающим промыслам. Авторы умело систематизировали обширный музейный и литературный материал, касающийся орудий обработки волокнистых веществ, шерсти, ткани.

Подробно описаны разнообразные оригинальные способы ловли зверей и птиц без стрелы и орудия. Дана сводка орудий и способов рыболовства. К сожалению, этот раздел работы очень мало иллюстрирован.

Крестьянское жилище хорошо описано в этнографической литературе последних лет как для восточных славян вообще, так и для русского населения отдельных областей нашей страны, поэтому в определителе дана лишь краткая, но обстоятельная сводка имеющегося в литературе материала, показаны виды жилых крестьянских построек, элементы жилого дома, строительные материалы. Большое внимание уделено в том же плане и хозяйственным постройкам (клетки, амбары, скотные избы, сараи, приспособления для сушки хлеба, бани, колодцы, мельницы, изгороди). Содержание этой части дает возможность хорошо представить разнообразие русского народного жилища по отдельным районам и изменение его на протяжении XVIII—XX в.

Пятая глава посвящена внутренней обстановке крестьянского жилища. Здесь описаны мебельровка (скамьи, стулья, столы, кровати), приспособления для освещения избы, сундуки и коробка для хранения домашних вещей, а также домашняя утварь для приготовления пищи, выпечки и хранения хлеба, для хранения зерна, муки, сол приспосабливания для сбора ягод, грибов и пр. Материал, приведенный в работе показывает, с каким умением, старанием, изобретательностью, художественным вкусом делал крестьянин все необходимое в быту. Об этом свидетельствуют иллюстрации изображающие разнообразные солоницы, ковши, блюда и другие предметы с резным орнаментом или росписью, нередко сюжетной.

В последней, шестой, главе описаны средства передвижения — сухопутные и водные. По данному вопросу каких-либо обобщающих работ еще не создано. Имеются лишь краткие характеристики средств передвижения для отдельных групп русского населения (что касается сруби и упряжи, то и этого нет). Рецензируемая работа в некоторой степени восполняет этот пробел. Сухопутные средства передвижения делятся на волокушные, полозковые и колесные. Описание каждой группы иллюстрировано прекрасными рисунками, выполненными по материалам Государственного музея этнографии в Ленинграде К. А. Бажович.

Некоторые дополнения, по нашему мнению, повысили бы ценность этого полезнаго издания. Определителю следовало бы предпослать введение, кратко характеризующее русское население нашей страны, его формирование и этнические особенности. Было бы хорошо приложить к работе географическую карту с выделением в ней основных этнографических районов. Современная изученность русского населения нашей страны позволяет это сделать. Конечно, все это можно найти в специальной весьма обширной литературе, но нужно учитывать, что определитель рассчитан не только на специалистов — историков и этнографов, но и на широкие круги читателей.

Определитель желательно было бы дополнить описанием способов укладки снопов, хранения хлеба на гумнах, дать классификацию усадеб по типу связи, а также планировку населенных пунктов. Многие из связанного с этим вопросом не может быть решено на основе музейных коллекций, как это сделано для большинства вошедших в определитель элементов материальной культуры, но совсем не обязательно было придерживаться такого принципа. Ведь в фондах музеев имеется много неподобных иллюстраций, картин, фотоснимков, изображающих общий вид населенных пунктов, дуга со стоящими на них стогами сена, поля с копнами сжатой ржи и т. п. Все это также требует определения. Кроме того, поскольку определителем будут пользоваться писатели, художники, режиссеры, необходимость таких дополнений совершенно ясна.

Русское население авторами Определителя не подразделяется на этнографические группы, и отдельные элементы культуры рассматриваются без учета локальных особенностей этих групп. Следует учитывать, что, например, разнообразие изгородей связано не только с наличием того или иного материала, как это указано на стр. 166—167 (географической среде вообще в книге придано очень большое значение), но и с этническими традициями. Известно, что прясло типично для северной деревни и ведет начало со времен древней Руси, а плетень характерен для южных великорусов. Б. А. Куфтин отмечал, что отсутствие плетневых построек на севере не может объясняться отсутствием тальника, ибо тальник имеется, а плетень делать не умеют¹. Подобная неравномерность материала не дает возможности использовать Определитель для правильного воспроизведения облика русской деревни XIX в. различных районов нашей страны.

Имеются в Определителе и отдельные неточности. На стр. 137 граница распространения построек с земляным полом (середина XIX в.) на территории, расположенной к востоку от Москвы, проводится несколько южнее широты, на которой лежит Москва; в действительности же на обширных пространствах средневолжских губерний земляной пол для середины XIX в. отмечен автором настоящей рецензии как единичное явление и то далеко не во всех уездах б. Казанской, Симбирской, Самарской, Саратовской и Уфимской губерний. На стр. 124 утверждается, что в лесных губерниях кирпичные постройки возводили «только наиболее зажиточные крестьяне». Однако известны примеры, когда в лесных районах было много кирпичных домов и у среднего населения вследствие того, что наличие хороших глин и развитое кирпичное производство позволяли крестьянам строить кирпичные дома с меньшей затратой материальных средств, чем срубные.

¹ Б. А. Куфтин, Типы и элементы жилища, М., 1929, стр. 14.

Раздел работы о внутренней обстановке жилого помещения был бы значительно четче, если бы была дана планировка жилого помещения. Известно, что в дореволюционное время каждая вещь в избе занимала точно определенное место. Различия при этом обуславливались этническими особенностями отдельных групп восточных славян и социально-экономическими факторами. Следовало бы для всех предметов обстановки или утвари указать их место в крестьянском жилище, как это сделано для некоторых из них (кровать, колыбель и др.).

Описывая земледельческие орудия, элементы жилища, средства передвижения, авторы указывают бытующую местную терминологию. Это очень важно, но, к сожалению, сделано далеко не полно и не для всех описываемых элементов культуры. Не указаны, например, такие широко распространенные термины, как «карда», «калда» (загороды для скота), «попона» (одеяло), «тябло» (божница) и др.

Среди иллюстраций отсутствует изображение печи, битой из глины, хотя в некоторых селениях такие печи бытуют еще весьма широко; нет и старинных пастушьих блях.

На стр. 152 сказано, что «в селениях с украинским населением кладовые назывались коморами»; неясно, бытовал ли этот термин в селениях с русским населением. Ведь это издание — определитель хозяйства и быта русских крестьян, а не украинских.

Заканчивая рецензию, можно повторить, что в целом этот обстоятельный и хорошо изданный труд окажет большую помощь всем, кто интересуется хозяйством и бытом русских крестьян до Октябрьской революции.

Можно лишь пожелать, чтобы такие определители были изданы и по другим народам СССР.

Е. П. Бусыгин

О. Л. Кульчицька. *Народний одяг західних областей УРСР*. Київ, 1959.

Украинский государственный музей этнографии и художественного промысла (г. Львов) издал альбом этнографических зарисовок народного художника Украинской ССР Е. Л. Кульчицкой. Елена Львовна Кульчицкая, выдающийся деятель советского украинского искусства, много сделала для изучения быта украинского народа. В течение ряда лет (1928—1946), пройдя пешком всю территорию Западной Украины, художница выполнила серию зарисовок с натуры, уделяв особенно большое внимание украинской народной одежде.

Альбом состоит из 74 красочных таблиц, на которых более 100 рисунков. Выход в свет такого альбома — большая радость для всех, кто любит и ценит народное искусство. Вместе с тем это издание представляет большой научный интерес, так как зарисовки, помещенные в нем, документальны и могут служить источником для работы этнографа, историка, искусствоведа, художника. Е. Л. Кульчицкая не только высокоодаренный художник, но и вдумчивый исследователь. Рисунки ее, выполненные с большим художественным чутьем, живы, правдивы и вместе с тем даются с нужной для этнографа точностью. В них хорошо виден общий силуэт костюма, покроя его: фигуры даны в различных поворотах, иногда — сзади и сбоку. В ряде таблиц красочный рисунок одежды дополнен карандашными набросками. Крупным планом показаны головные уборы, способы повязывания намиток и платков, а также такие детали, как застёжки, вышивки, бисерные украшения и т. д.

Художница показала богатый колорит народной украинской одежды и с любовью отразила в зарисовках орнаментальное искусство украинцев западных областей, дав ему не изолированно, а в тесной связи с бытовыми предметами. Рисунки хорошо аннотированы — указана народная терминология одежды, ее материал, время и место бытования и т. д.

Альбом рисунков Е. Л. Кульчицкой восполняет один из больших пробелов, имеющих в изданиях художественного иллюстративного материала по народному костюму и орнаменту восточнославянских народов. В издании такого материала крайне нуждаются практически работники театра, кино, художественной самодеятельности и пр. К сожалению, таких изданий мало. А главное — то немногое, что опубликовано, крайне неудовлетворительно либо с научной, либо с художественной стороны. Вольное обращение составителей с подлинниками, представление костюмов в упрощенном или модернизированном, т. е. искаженном, виде лишает эти материалы научной ценности. Подобные вольности имеют место, например, в двух сериях открыток «Русская народная одежда» (М., 1957), подготовленных Всесоюзным домом народного творчества им. Н. К. Крупской по коллекциям Государственного музея этнографии народов СССР. К тому же эти открытки выполнены на крайне низком художественном уровне. Нередко составители альбомов игнорируют принцип строгого художественного отбора образцов народного искусства (в котором, как известно, проникали и вредные антихудожественные влияния), и в альбомах публикуются, а тем самым пропагандируются, так называемые «брокеровские» узоры (см., например, рис. 8, 9, 10, 14, 15, 16, 23—2, 25—2, 41 и др. в разделе «Народная вышивка» альбома «Беларуски народ-